

«Дети Иофана» (Б.Кондаков, С.Липгарт).
Проект центра культуры и искусства
на набережной Шевченко.

Проект Университетского городка на территории «Острова Истра».
П.Санин, рук. М.Белов, М.Хазанов, А.Оуд.

Феликс Новиков

Здравствуй, племя младое!

Вот и истекли нулевые годы нового века – 2000/2009, кончилось его первое десятилетие. Прошла одна десятая XXI-го. Как быстро! Век становится подростком, грядут его тинейджерские годы. А если сказать это по-русски, то они назовутся «дццатыми».

В чем главное архитектурное содержание прошедшего десятилетия? Каким словом можно его обозначить? Я полагаю, что это слово – «противостояние». Борьба двух основных тенденций, одну из которых можно условно назвать авангардной, а другую – традиционной. В разные годы она складывалась по-разному. Сначала верховенствовало второе направление, позже – первое. Но так или иначе, если бы Барак Обама сказал, что российская архитектура одной ногой стоит в прошлом, а другой в настоящем, то, я не сомневаюсь, глава правительства России с ним бы согласился, и, воспользовавшись не очень литературным выражением, заявил бы, что в отличие от самой России, ее зодчество стоит «враскорячку». Вице-президент США Джон Байден, вторя своему шефу, в свою очередь высказался насчет нашей архитектуры, утверждая, что «пока Россия все еще держится за прошлое... мир быстро меняется и уходит вперед».

Вообще-то Байдену можно заметить, что американский авангард составляет не такой уж жирный слой современной здешней архитектуры. Я уже писал об этом, и с тех пор масса пошловатого «ширпотреб» существенно не уменьшилась. Он и тут превалирует над тем, что «уходит вперед». Но есть одна существенная разница в оценке этого явления. В Америке оно остается за пределами профессиональ-

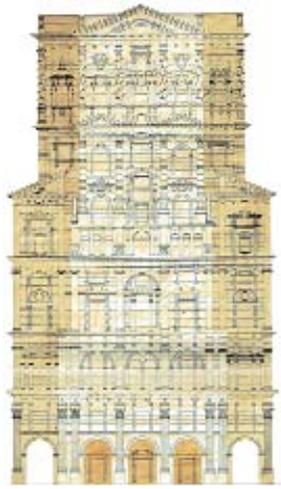
ных интересов. Такой продукт не увидишь в журналах, его игнорирует критика, он за бортом того, что причисляется к архитектуре. И даже бывшие кумиры постмодернизма, продолжающие практическую деятельность – такие мастера, как Р.Вентури и М.Грейвс, теперь не удостоиваются особого внимания американского архитектурного сообщества. В то же время традиционалистские опусы отечественных мастеров да и сами мастера претендуют на профессиональное лидерство, в их ряды вступают новые лица, они успешно побеждают в конкурсах, энергично обороняются от критических нападок и сами агрессивно выступают против инакомыслящих. Должно быть, такое положение вещей имеет под собой серьезные основания.

Прежде всего они заключены в нашей архитектурной истории, в творческом содержании ее XX века, где выдающимися мастерами оставлено наследие, оказывающее мощное, неотразимое влияние на все происходящее в отечественном зодчестве в наши дни. С одной стороны – Мельников, Серафимов, Веснины, Гинзбург, Леонидов, Павлов, с другой – Жолтовский, Щусев, Иофан, Буров, Поляков. Запросто от такого богатства не отречься. Надо только заметить, что и те и другие под давлением властной воли решительно меняли свою ориентацию, вынуждены были «перестраиваться» на противоположный манер. А зодчие новой России свободны в определении своих предпочтений. Однако свобода эта относительна.

От воли нынешнего заказчика тоже не отречься, поскольку у каждой тенденции есть свои потребители. И, конечно же, находятся

мастера, готовые угождать любому вкусу. Так оно и прежде бывало – и А.Щусева упрекали в творческом угодничестве. Но есть тому разное и более веские причины. М.Антокольский утверждал: «Правду говорит тот, кто говорит то, что в воздухе носится». А в нем много чего намешано. Издавна считалось, что классика сопутствует определенным общественным тенденциям. И хотя некоторые полагают сию точку зрения вульгарной, в дневниках весьма уважаемых людей – братьев Гонкур содержится следующая запись: «Во все эпохи империй мода тяготеет к античности, к классическим образцам. При тирании порабощение распространяется и на вкусы». Давно сказано – в 1863-м. Но ведь и XX век свидетельствует о том же, и не только опытом Германии и Италии, но и отечественным в полной мере. А оказавшись в 1984-м в Афинах, я был поражен сходством военного музея, построенного в годы владычества «черных полковников», образу музея Ленина в Ташкенте.

Разве секрет, что имперский дух витает и в нынешнем российском воздухе, равно как и то, что прозападные настроения присутствуют в нем в немалой дозе? Должно быть, эта смесь и служит питательной средой для разнородных творческих проявлений. Можно было бы предположить, что со временем воздух очистится от имперской составляющей, и это будет способствовать продвижению России вслед за «худящими вперед миром». Однако, глядя на музейные экспозиции, демонстрируемые новой генерацией российских зодчих, более того, дипломными и курсовыми работами студентов различных архитектурных школ страны, невольно приходишь к заключению, что такая

Проект многофункционального центра.
А.Бархин, рук. С.Скуратов, И.Уткин.

Проект Общественно-делового центра
Московской области.
А.Бархин, рук. А.Кузьмин, С.Ткаченко.

перспектива покуда «за горами».

Первыми провозгласили свою приверженность архитектурным идеалам Сталинской империи назвавшие себя «Детьми Иофана». Тем самым они преклонились перед его главным, хотя и не осуществленным творением – Дворцом Советов – самым подлинным образным воплощением архитектуры ВКП(б). И парижский павильон выставки 1937 года выражает собой тот же имперский дух, не случайно столь схожий с павильоном А.Шпеера. И вовсе не случайно портреты этих двух мастеров олицетворяли собой архитектуру Германии и СССР на выставке «Москва – Берлин», демонстрировавшейся в Пушкинском музее в 1996 году. Только не подумайте, что я тем самым стремлюсь принизить достоинства выдающегося мастера. Ничего подобного. Я и сам отношусь к нему с искренним уважением. Не его вина в том, что ему досталось жить в том времени. Но он бесспорно говорил своим творчеством чистую правду – ту самую, что «носила в воздухе». Таков всегда удел истинных мастеров. Между прочим, и Шпеера в том числе.

Честно сказать, я не ведаю, были ли дети у Бориса Михайловича. Во всяком случае в архитектуре я их не примечал. У его брата Дмитрия, сотрудничавшего с Борисом, был сын Лев – он стал архитектором. Мы приятельствовали и работали в мастерских «Моспроекта-2» по соседству. В одном из писем я поминал его щедрый дар – старинное ружье, которое скульпторы – авторы часов МИЭТа – обменяли на древний колокол, включенный ими в композицию. «Дети»-самозванцы на самом деле Иофану – правнучки, стремящиеся вторить прадеду через два поколения. Ну, а возрастом в сыновья

Иофану вполне гоюсь я, и здесь расскажу о запомнившейся встрече с ним. Поводом к ней послужил творческий портрет Феликса Новикова, опубликованный в мартовском номере «Архитектуры СССР» 73-го года, в котором содержалась статья Е.Мельникова со множеством иллюстраций и мое собственное сочинение, претендующее на нечто, подобное манифесту. Вскоре мне позвонили и передали просьбу Иофана навестить его в Кремлевской больнице. Я пришел к нему в отдельную палату в корпусе, что расположен напротив библиотеки им. Ленина. Журнал лежал на прикроватном столике. Мы проговорили около часа. Речь шла о проектах и постройках, которые он оценивал положительно.

Незадолго до того, когда на совете по указке московского партийного «вождя» Гришина обсуждался вопрос об этажности моего комплекса на Тургеневской площади, Иофан, зная о позиции Горкома, твердо высказался в мою поддержку. А позднее на страницах «Известий» написал доброе слово о МИЭТе. Но, прощаясь, Борис Михайлович упрекнул меня в излишне жестком тоне моего эссе, не сказав, какой именно пассаж вызвал его раздражение. Там было множество решительных утверждений. Я и теперь думаю, что тогда они пришлись ко времени и месту. Но дело-то в другом. В ту пору мне было 44, и казалось, что после Дворца пионеров и Зеленограда я могу себе такое позволить. А ему было 82 – как мне теперь – и он, по-видимому, полагал, что в том моем возрасте еще рано выступать подобным образом. В те времена широкое хождение имело утверждение И.Жолтовского о том, что архитектор формируется лишь к 60-ти годам. При-

том, что сам И.Жолтовский получил академическое звание в 1909 году – за 18 лет до того, как он – по его же установке – «сформировался» в качестве зодчего. Как бы то ни было в его поздние годы оно способствовало сдерживанию неуёмной прыти молодых. Иван Владиславович свою мастерскую назвал мастерской-школой, сделал тем самым своих великовозрастных «учеников» мальчиками и девочками. И хотя среди них были мужчины могучего телосложения, они оказались «одетыми в короткие штанишки». Однако сие не помешало им показать в дальнейшем свои способности, и, в том числе, самой яркой личности этой плеяды – В.Воскресенскому.

Здесь к стати вспомнить рассказ моего первого учителя – Л.Мелеги о студенческой поре почитаемого маэстро. Впрочем, я точно не знаю, на каком году обучения этот эпизод имел место. Ведь Ваня Жолтовский обучался архитектуре 11 лет, время от времени отвлекаясь на практическую деятельность. Так или иначе, Ваня – студент Петербургской Академии Художеств. На эскизе его проекта трехчастная композиция, в центре которой – портик с шестью широко расставленными колоннами. Профессор (имя не названо), консультируя подопечного, сказал: «Обогатите центр». Жолтовский рисует богатый карниз и увенчивает фронтоном пышными акротериями. При следующей встрече патрон повторяет то же указание: «Обогатите центр». На колонных появляются каннелюры, тимпан фронтона укрывается богатым скульптурным рельефом. Однако и на третий раз профессор, подливая голосом свое распоряжение, вновь гово-

Проект жилого дома в районе МГУ.

А.Белов, подача М.Неймохов, рук. Т.Дьяконова, В.Скачков, К.Сулим.

рит: «Обогатите центр!» Тогда щедрой разработке подверглась стена за портиком. За ним появились арки, богато декорированный портал, ниши со скульптурами. Студент постарался. И только на четвертой консультации профессор раздраженно потребовал: «Сделайте же, наконец, восемь колонн!» Частота ритма – вот в чем богатство!

Что же касается возраста, в котором мастер способен утвердить себя, то в моем поколении такое, как правило, случилось много раньше установленной Жолтовским черты. Сегодня – когда оно подводит итоги – нетрудно определить ту первую работу, что возвела зодчего в высокий творческий ранг. Полянский предьявил первый лагерь своего «Артека» в 34, Чека-наускас – жилой район «Лаздинай» в 36, Ахмедов – здание «Каракумстроя» в 38, Меерсон – жилой район «Лебедь» в 41, Красильников – Тульский театр в 38, и авторы победившего конкурсного проекта Дворца пионеров завершили эту стройку – старший, Егеров, в 38, а, младший, Кубасов в 32. Но не в 23, не в 27 и даже не в 30. Конечно, если сроки строительства кратки, это может несколько приблизить акт самоутверждения, однако же не до столь юных лет.

И все-таки мне по душе утверждение Л.Полякова, сказавшего юным архитекторам единственного тогда «Моспроекта», собравшимся на обсуждение своих работ, представленных на 1-й молодежный смотр института: «Разделение архитекторов по возрастному признаку неправомерно. Не слушайте никого, а то у вас большие уши вырастут». Но перед ним были люди, работавшие отнюдь не первый год – строящие и уже что-то создавшие. А когда с манифестами выступает молодежь, только лишь вступающая в профессию, и более того – еще не завер-

шившая образования, то такое явление вызывает у меня двойственную реакцию.

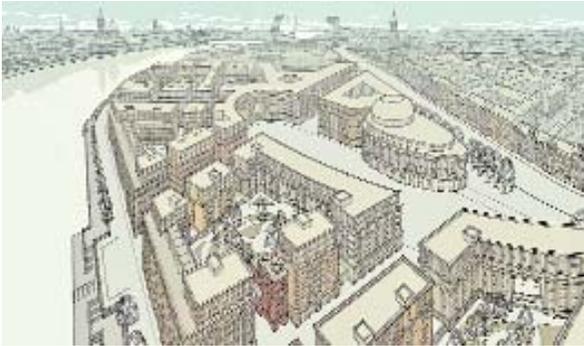
С одной стороны – хорошо, что молодые люди свободны в выборе своих предпочтений, никто не навязывает им – как нам в свое время – марксистско-ленинских догм, их инициатива получает всяческую поддержку. А с другой – не слишком ли рано это происходит? И хотя мне могут напомнить о блестящем дипломе И.Леонидова, я все-таки возражу, поскольку он у нас один такой ранний на весь XX век.

А меж тем уже в трех демонстративных акциях юные зодчие – практически ничего не успевшие – стремились утвердить свое право голоса в установлении архитектурной моды. Сначала обозначились квазинаследники Бориса Михайловича, затем был решительно провозглашен клич «Вперед, в тридцатые!» А следом явилась выставка «Сыграем в классику, или новый историзм». Как это понять? То ли яйца учат курицу, прикрываясь авторитетом мастеров сталинской архитектуры, то ли, действительно, время пошло вспять? Невольно вспоминается знаменитое: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?».

В.Гропиус справедливо заметил: «Расцвет греческого искусства во многом зависел от мужества и широты взглядов вождя греков Перикла, который мобилизовал все финансовые и художественные ресурсы нации, чтобы воздвигнуть Парфенон». То есть не будь Перикла, не бывать и Парфенону. А можно ли получить сталинскую архитектуру без самого Сталина? Полагаю, что нет. Достаточно было заменить его Хрущевым, чтобы был демонтирован каркас чечулинской башни в Зарядье. И речной вокзал в Химках можно было построить только, как теперь говорят, «в одном флаконе» с каналом Москва-Волга и заключенны-

ми, каторжным трудом которых он сооружен. Позволю себе сказать больше: не очень этично звать архитектуру в тридцатые, в которых прадеды юных зодчих толпами шли в застенки ГУЛАГа. И уж, конечно, движение в 75-летнее прошлое никак не согласуется с призывом «Вперед!»

Выставка «Сыграем в классику, или новый историзм» – это уже третья попытка отыскать пути будущего в давно прошедшем. Причем, что интересно – играючи. Тем не менее, данный случай внешне выглядит более фундаментально. Разные аспекты представленных работ обстоятельно проанализировал Д.Фесенко в «АВ» №3. Меня же, главным образом, занимает самый феномен такого тренда в среде «младого племени», причины настойчивого его проявления. Может быть, юные зодчие живо воспринимают имперские настроения, модные в среде российской элиты? Или в ожидании конца кризиса готовятся к встрече с клиентами-сверстниками? Ведь это будут «новые русские» второй генерации – повидавшие мир, обучавшиеся в Оксфордах и Кембриджах, но при этом отнюдь не обязательно избавившиеся от генетически наследуемого вкуса. Относительно игрового характера нового «освоения классики» у меня есть одно предположение. Возможно, что многие, если не большинство «игроков» данной экспозиции в пору своего детства и отрочества посещали студию «Старт» или какие-нибудь иные детские архитектурные студии. Там с ними играли в архитектуру, как оно и положено в таком возрасте. И если прежде студент МАрХИ обретал уверенность в своей исключительности к моменту завершения образования, то, «стартовав» в детстве, будущие зодчие, поощряемые педагогами и восторженными родителями, обрета-

Проектное бюро «Евгений Герасимов и партнеры» совместно с «NPS Tchoban Voss GbR».

Победитель конкурса на проект «Набережная Европы» в Санкт-Петербурге.

UN Studio. Победитель конкурса на архитектурное решение Дворца танцев для размещения Санкт-Петербургского государственного академического театра балета под руководством народного артиста России Б.Я.Эйфмана в составе проекта «Набережная Европы».

ли эту уверенность к моменту поступления на 1-й курс. И приходили они в институт уже настроившись на игривый лад. Если так, то понятно почему они, не завершив образования, стремятся продемонстрировать миру искусство своей игры. Замечу и то, что в их среде есть лидеры второго поколения.

Я только не могу понять, как известные своим авангардизмом С.Скуратов и М.Хазанов выступают руководителями проектов, которые абсолютно противоречат тому, что они делают собственной практике. Если же это следует понимать как предоставление права выбора самому студенту, тогда остается неясным, кто чьей рукой водит. Так же, как неясно и то, почему ректору МАрХИ «хочется помянуть» о том, «что классика снова оживет и станет полноправной неигрой». А чем, хотелось бы знать? Ведущим направлением в российском зодчестве? Способом «быстро меняться и уходить вперед»?

А есть ли что-либо подобное в американских учебных заведениях? Мне случалось бывать в архитектурных школах Беркли, Йеля, Корнелла и Сиракьюза. Вместе с В.Белоголовским я побывал в проектных классах Института Пратта в Бруклине. Но мне нигде не довелось видеть студенческих опусов на классические темы. Для пущей достоверности я спросил Владимира, известно ли ему что-нибудь на этот счет. В ответ я услышал, что возможно где-либо в частных заведениях такое имеет место, но что касается ведущих архитектурных школ страны – это немыслимо. Более того, если какой-либо студент отважится выступить с подобным проектом, он тут же окажется за порогом университета. Сурово! Тем более трудно себе представить, чтобы кто-либо из деканов этих школ разделал мечты Д.Швидковского.

Так или иначе, но стилевые черты сталинской архитектуры, бывшие в свое время косвенным выражением драматической истории страны, сегодня предстают в виде фарса, подобно тому, как фарсом выглядят сами новомодные имперские проявления. К тому же, «игры» с подлинной классикой и с вторичным продуктом ее «освоения» – иначе говоря, с «классикой второй свежести» – вещи решительно разные и последние вряд ли можно считать занятием полезным для студента.

А может быть, не стоит придавать этой молодежной моде особого значения? В конце концов, времена приподнвишего российского постмодернизма прошли, и «традиционную» ориентацию демонстрирует явное меньшинство юных архитекторов.

В меньшинстве они в МАрХИ, в меньшинстве – и во множестве значимых творческих акций – конкурсах и фестивалях. И если примыслить, что Ю.Лужков стал бы ненавистником такой архитектуры, то, как можно себе представить, он запретил бы устройство подобных выставок в МУАРе с тем же упорством, с каким он запрещает в столице проведение гей-парадов.

А что если юные «традиционалисты» правы? Если вновь вернуться подобные времена, и новое поколение российских зодчих вторично ступит в ту же самую воду, вторично извлечет из воздуха времени формы 30-х, 40-х, первой половины 50-х. Но одно я могу утверждать точно – мне об этом уже не узнать. Сказано же, на сей счет: «Не я увижу твой могучий поздний возраст».

Но, возможно, все сложится противоположным образом? И подобно тому, как менялись убеждения зодчих XX века, молодежь воинственно исповедующая традиции, в свою очередь «перестроится», и обратившись к нова-

циям, внесет свой вклад в российскую архитектуру, устремившись вперед вслед за остальным миром.

Good luck!

P. S. Похоже, что противостояние авангарда и традиции продолжится и во втором десятилетии века. Оно четко обозначилось в итоге двух заметных конкурсов, завершившихся недавно в Санкт-Петербурге. Понятно, что традиционное начало утверждает здесь победивший проект «Набережной Европы» С.Чобана и Е.Герасимова, а встроенный в эту среду Дворец танца Б.Эйфмана в противоположном качестве предложил UN Studio Б. ван Беркеля и К.Бос. Кто победит в этом контрастном столкновении? Прав ли окажется член жюри второго конкурса Г.Холлэйн, сказавший, что в этом городе можно и нужно строить современные здания, или вышеназванные мастера, создавшие свою версию «новопетербургской» архитектуры?

На чьей я стороне? Пожалуй, не скажу – пусть это останется моим секретом. Говорят, что весь комплекс будет завершен в 2014 году. Тогда и выяснится, кто «со щитом», а кто «на щите».

P.P.S. Итоги фестиваля «Зодчество-2009» тоже свидетельствуют о продолжении противостояния. Одновременное награждение отеля на площади Островского и «Даниловского форта» – это примерно то же самое, что одновременное присуждение Ленинских премий мемориалам в Волгограде и Саласпилсе или награждение орденами главредов «Нового мира» Твардовского и «Октября» Кочетова.

Было такое в советском прошлом.